Служба психолого-педагогического сопровождения и входящий в ее состав психолого-педагогический консилиум разрабатывают адаптированные основные общеобразовательные программы, организуя создание специальных образовательных условий, проведение коррекционных занятий в соответствии с заключением Центральной психолого-медико-педагогической комиссии города Ярославля, а также обеспечивают поддержку образовательного процесса всем детям с трудностями в обучении.

Таким образом, образовательное пространство школы представляет собой достаточно гибкую структуру, позволяющую наиболее оптимальным образом учесть особые образовательные потребности обучающихся, в том числе с РАС, создать специальные условия обучения, обеспечить необходимую психолого-педагогическую поддержку образовательного процесса. Расширение образовательной и социальной интеграции, инклюзивные формы обучения отражают особое качество образовательной среды, которая сложилась во всех обследуемых школах — ее адаптивность, под которой понимается наличие в ней возможностей и условий для успешного присвоения каждым ребенком культурного опыта с учетом его возрастных особенностей, внутренних ресурсов, состояния здоровья и индивидуальных возможностей.

Нами был реализован важный этап – комплексной (системной) стратегии исследования общей проблемы формирования толерантности. Подвод итогов можно заключить, нами был реализован хоть и важный, но лишь начальный этап общей стратегии исследования. В силу этого, анализ проблемы формирования толерантности должен быть продолжен.

1. Гущина Т.Н. Я и мои ценности. М.:АРКТИ, 2008.
2. Лич Д. Прикладной анализ поведения. Методики инклюзии учащихся с РАС. – М.: Оперант, 2015 – 176 с.
3. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. –1975.–№ 2.–С. 31-45.
4. Прыгин Г.С. Психология самостоятельности: Монография. - Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009.
5. Смит Т. Доказательный опыт успешной инклюзии учащихся с РАС. Практическое руководство / Тристрам Смит; Пер. с англ. – М.: Оперант, 2015 – 432 с.
6. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Разные, но равные: большие психологические игры. М.: Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004.
7. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.:ПЭР СЭ, 2002.
8. UNESCO (2009) Policy Guidelines on Inclusion in Education.

Карабанов А.П.

Критерии оценки интернет-зависимого поведения

*Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский Государственный
Гуманитарный университет
(Россия, Москва_*

doi:10.18411/spc-22-12-2018-19

idsp: sciencepublic-22-12-2018-19

Интернет-зависимое поведение можно отнести к числу наиболее динамично изменяющихся психических расстройств 21 века. На официальном уровне оно до сих пор не является признанным, однако, учитывая признание зависимости от видеоигр в 2018 году и включение ее в МКБ-11 [4], это скорее вопрос времени. С другой стороны, диагностические критерии данного расстройства не вполне сформулированы, что не удивительно, учитывая исключительно быстрые темпы развития интернет-коммуникаций и все большую интеграцию интернет-сервисов в повседневную жизнь человека. Таким образом, проблема разработки критериев интернет-зависимого

поведения является важным шагом на пути к признанию этого расстройства и разработке путей его коррекции.

В западной литературе интернет-зависимость чаще всего рассматривается как вариант компульсивного поведения, приводящий к различного рода проблемам в сфере взаимоотношений, здоровья, профессиональной сфере или учебе. В частности отмечают повышенную тревожность, неспособность расставлять приоритеты, избегающее поведение в отношении любых обязательств, колебания настроения, пренебрежение личной гигиеной [2] и многое другое. Однако эти симптомы не являются специфическими для интернет-зависимости и могут быть полезны только для оценки глубины расстройства.

В качестве собственно диагностических критериев чаще всего рассматриваются: навязчивые мысли об интернете, использование интернета для получения удовольствия и избегания проблем, безуспешность контроля времени нахождения в сети, ложь о времени и занятиях в интернете, негативные переживания при невозможности быть он-лайн и дезадаптации в реальной жизни [3]. Схожие критерии приводятся и другими авторами, которые так или иначе отмечают, что интернет становится альтернативой реальности, захватывающей все сферы существования личности и переходящим из числа средств удовлетворения потребностей в разряд собственно потребностей.

Также существует точка зрения, в соответствии с которой объективные показатели пользования интернетом не могут рассматриваться как критерии зависимости, если интернет является средством, а не целью [1]. Он же выделяет два основных фактора интернет-зависимости — генерализованное и специфическое патологическое интернет-пользование, в основе которых лежат неадекватные когниции и социальная изоляция, отсутствие поддержки близких. Данная модель удобна тем, что позволяет отделить общие проявления неадекватного отношения к интернету от специфических, характерных для узких социальных, культурных или возрастных групп.

Таким образом, вопрос о критериях диагностики интернет-зависимого поведения является открытым. В свою очередь решение этого вопроса позволит создать новые диагностические подходы и средства, разработать пути коррекции интернет-зависимого поведения, а также разработать рекомендации пользования интернетом для родителей в целях профилактики расстройства у детей.

1. Davis R.A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // Computers in Human Behavior, 2001. Vol. 17(2). P. 187–195.
2. Gregory C. Internet Addiction Disorder // PSYCOM, 2018. Available at URL: <https://www.psycom.net/iadcriteria.html> (assessed 27.11.2018)
3. Young K. S. Addictive use of the Internet: A case that breaks the stereotype // Psychological Reports, 1996. Vol. 79(3). Pt. 1. P. 899–902. doi:10.2466/pr0.1996.79.3.899
4. ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics: 6C51 Gaming disorder. 2018. Available at URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http%3a%2f%2fid.who.int%2fid%2fentity%2f1448597234> (assessed 27.11.2018)